

З д р а в с т в у й т е

те, кто получит мое письмо и найдет возможность и время на него ответить.

Пишет Вам бывшая партизанка отряда им. "Виноградова Александра Ивановича" г. Орджоникидзеграда, теперь г. Брянск ПРОТОПОПОВА Маргарита Михайловна, сейчас МАКСИМОВА М.М.^а, в плену, МАРГУШКИНА Нина."

В плен я попала будучи больной тифом.

Немцы захватили в плен во время походов карателей на партизанский отряд в апреле 1943 года.

Давно, очень давно это было 21 год и 8 месяцев, как мне помогли выжить, облегчить жизнь в плену после тюрьмы, побоев, допросов, потом тифозной больницы, такими замечательными Советскими людьми оказались КОТО / Константин Николаевич МАХОРОШВИЛИ/. его адрес г. Тбилисси, *Семилетия* р.н. ул. Ворошилова / была до войны, теперь наверно переименована / д. №49 к ,

ТАГОНИДЗЕ СОСО / Иосиф Ильич / они были врач~~ами~~.

Они были настоящими людьми, ЖЕРЕБЦОВ Николай, БУРАНОВ Иван-фельдшерами, СМИРНОВ Роман - санитар.

Благодаря справки написанной ТАГОНИДЗЕ И.И. и МАХОРОШВИЛИ Н.К. я не отправлена в Германию.

В справке было указано, что я МАРГУШКИНА Нина туберкулезно-больная. Справка заверена личной печатью врача МАХОРОШВИЛИ.

Я тогда никому не сказала, кто я. С месяц я пробыла в компании друзей, а потом нас разъединили. Меня отправили под Кричев, от туда я бежала и продвигалась к своим 43 дня. Всякое я видела и испытала за 43 дня. Наступали холода, а я разута и раздета. От холода и голода покрылось мое тело частоткой и фурункулами.

По пути сагитировала бывшего бойца Красной Армии /тогда / ~~ТКЮРИНА~~ / который жил и работником у старосты, бежать с мной ХАЛИТОВА Александра, сам он из Омской обл. Дубровский р.н., Мысовский с/с д. Мессаева.

Вместе с Александром Халитовым сагитировали Голищикина Анатолия, который находился в это время в Армии Власова, а часть их стояла д. Б. Зимницы Смоленской области его адрес г. Новосибирск, Парабельский р-н с. Нарым.

Немного пришлось нам вместе идти. Нас поймали эсесовцы. Мужчин погнали вперед, я вырвалась и стала уходить показывая на свою часотку и фурункулы, показывая на видневшуюся вдали деревню, говоря им, что там у меня дети и меня ждут, немцы на меня кричали приговаривая кухня-кухня, работать, а я кричала, дети-кындоры, вся сжалась, голова вошла в плечи, вот-вот, жду выстрелят, а сама крупными и быстрыми шагами от них удалялась.

Дня два еще шла пробираясь к своим и много видела, горя, несчастий. Горели чела, деревни, гнали наш народ на восток. Стон, слезы, виселицы. Конец сентября, а хлеб на полях не убран, картофель не копаная, трупы лошадей. В лесах прятались люди из сгоревших деревень и не желавших идти в рабство.

Ноги меня заставляли как-то в расплах, ночлегом служили копна сена, с^бга хлеба, а то скошенные ряды сгребала и укрывалась.

Вот так в один вечер улеглась, нос высунула из берлоги гречично^й соломы и слышу пахнет дымом. Вокруг скошенного гречичного поля был лес. Я встала и пошла по запаху. Погода сырая, дым по земле стелится и так меня он привел в лес. Стала я за большое-толстое дерево, смотрю костер, а вокруг народ, подводы распряженные. Под телегами дети спят женщины. Мужчины у костра покуривают. Коровы к деревьям и повозкам привязаны, лошади стреножаны. Вижу свой народ, пугаться нечего, только-бы их не испугать.

Вышла из-за дерева меня сразу заметили, несколько мужчин встали, пошли мне навстречу, заговорили. Я им рассказала кто я, пустили к огню, чужие женщины, тоже встали, дали мне поесть. Я улеглась у костра, дали мне чем приодеться. Осенью рано смеркает, а в лесу еще быстрее от деревьев. Не далеко от леса проходило шоссе - Московско-Воршавское. Немцы его охраняли и видимо немцы знали, что в этом лесу прячется народ, но весь народ не перебить и не загнать в Германию и знали, что можно поживиться.

Я уже стала засыпать, слышу шум, говор и тихий плач женщин. Открыла глаза, встала и вижу немца, худой длинный на перевес за спиной как у охотника винтовка, сумка солдатская и все его причендалы и атрибуты. И ходит он от одной коровы к другой засматривает им в зубы, выбирает какая помоложе. Мужчины стоят кучкой, а женщины бегают за немцем к чей корове подходит он и уговаривают его не брать, а он отмахивается от них, как от мух. Дорогие товарищи если бы вы знали как это тяжело смотреть на такую картину.

Слышна стрельба, фронт движется наш, немцы отступают и на тебе все еще гад хозяйничает.

Я как кошка прыгнула к немцу на спину и мужчинам приказываю — помогайте вязать немца, да быстрее. Оцепенели, женщины голосят, дети проснулись, стон, плач, причитания.

Немец меня сбрасывает с себя, а я уже у него на плечах за волоса держусь, царапаю его, тут мужчины опомнились, свалили немца, в рот тряпку, руки назад заломили, завязали их проводом. Предварительно с него была снята винтовка и пистолет. К ноге тоже привязали провод, чтобы не убежал, и тут же я была выдворена с гостеприимной стоянки. Тронулась в путь. Я была чрезвычайно довольна, что иду не с пустыми руками к своим. Я уже не проводник, как это было в 1942 году.

Ко дню Советской Армии я была проводником через линию фронта группы партизан а языками 2-мя немцами т.к. через линию фронта переходила с разными заданиями 12 раз.

А тут я сама хозяйка и поймала, конечно с помощью колхозников, одной бы не справиться, и проводник шагали с немцем вдоль Московско-Воршавского шоссе лесами, перелесками, проселочными дорогами. И вот на рассвете Сентябрьского утра в тумане завиднелась какая-то в дали огромная колонна. Я с немцем в это время находилась на поле Озимых /зелень/ посреди поля кусты лозы, стоим в этих кустах. Немца посадила, привязала провод от ноги в корневищу лозняка. Сама прыгнулась и стала следить, кто-же это движется — свои, или враги, мешает туман, начал моросить мелкий, мелкий дождь, до ломоты в глазах всматриваюсь в приближавшуюся колонну. Все ближе и ближе. Вижу скатки шинелей, поблескивание на гимнастерках орденов и медалей. Наши, наши. Немца дергаю, отвязываю, подымаю. Выхожу из своей "Засады", иду навстречу пехоте. Нас заметили, от головы колонны отделились три конника

и скачут к нам. Не доезжая несколько шагов всадники-бойцы спешили и бросились ко мне с приветствиями и поздравлениями.

А я перед ними стояла, растроганная, радостная измученная, грязная внешне, часоточная, в чирьях и фурункулах, со стриженной наголо головой, с которой сыпится перхоть, босяком, в плюшевой старой жакетке и на голове шерстяном платке.

Когда подошли к колонне, это был 361 полк пехоты 38 корпуса 10 арм.

Командир полка разрешил привал бойцам и пошли разговоры, распросы, забот и пр.

После этой встречи я была направлена разведчиком полка.

Капитан разведки отнесся ко мне с недоверием.

При моем с ним разговоре зазвонил телефон.

Капитан стал объяснять обстановку фронта обращаясь к полковнику БЕЗМЕЛЬНЕКОВУ. Когда он назвал эту фамилию я не выдержала, вмешалась в разговор и просила капитана, чтобы он сказал БЕЗМЕЛЬНИКОВУ о Протопоповой Маргарите, которую он должен хорошо знать.

В телефонной трубке послышалось обращение к капитану, кто с Вами разговаривает.

Да, вот задержали девушку. Называет себя партизанкой из отряда им. "Виноградова" г. Орджоникидзеграда Протопоповой Марг. Мих. Говорит, что знает Вас и называет многие фамилии из 10 армии.

Полковник БЕЗМЕЛЬНИКОВ в это время был начальником 38 корпуса 10 армии приказал капитану направить меня в штаб 10 армии.

Капитан выделил 2-х верховых лошадей и бойца.

Боец впереди себя посадил немца, а я на вторую лошадь.

Двинулись к штабу 10 армии, который находился в д. Большие Шумяги Рословльский р-н, Смоленской области. Меня встретило много знакомых по родственному, тепло. Через несколько дней я была снабжена документами, питанием и направлена в свой город тогда Орджоникидзеград, потом Бежица, а сейчас Брянск, Бежицкий р-н. Живу я по ул. Институтской дом №2, фамилия моя теперь Максимова, зовут Маргарита Михайловна.

С коммунистским приветом, Нина Маркушкина.